

Подростковая субкультура – зона потенциальных рисков

А. А. Реан,

доктор психологических наук, профессор кафедры юридической психологии Московского университета Министерства внутренних дел России, член-корреспондент Российской академии образования, научный руководитель и исполнительный директор федерального проекта «Крепкая семья», заслуженный деятель науки РФ

Представлено основное содержание тезисов доклада «Подростковая субкультура – зона потенциальных рисков экстремизма и ксенофобии», сделанного на пленарном заседании III всероссийской научно-практической конференции по психологии развития «На пороге взросления». Рассматривается феномен подростковой субкультуры в аспекте социального экстремизма и ксенофобии. Обосновывается, что в этом контексте целесообразно говорить не о подростковой субкультуре вообще, а дифференцированно о субкультуре отдельных, сильно отличающихся между собой подростковых групп. Также рассматривается феномен социального сиротства в современной России и социальные сироты как особая группа социального риска с особенной субкультурой. Анализируется проблема роли СМИ в формировании подростковой субкультуры, а также их влияния на развитие подростковой агрессивности и рисков подросткового экстремизма.

Ключевые слова: подростковая субкультура, экстремизм, агрессия, правосознание, асоциальность и преступность подростков, реакция группирования, социальное сиротство, безнадзорность, беспризорность.

Молодежный возраст, а внутри него подростковый и юношеский – это возраст риска экстремального поведения. Всем хорошо известен феномен подросткового и юношеского максимализма. Последний и экстремальность поведения не обязательно говорят об асоциальности личности. Вообще это возрастная тенденция, за которой стоит попытка «пощупать» социум на границы допустимости. То есть эмпирическим путем проверить, попро-

бовать – что еще можно, а чего уже нельзя делать. Что социум считает *одобряемым*, что *неодобряемым*, но *допустимым*, а что уже совершенно *невозможным*, *отвергаемым*. Попытки «заигрывания» с молодежными группами и движениями экстремистской направленности, с этой точки зрения, социально дезориентируют личность, указывают неверные границы дозволенного и допустимого социального поведения. Все это приводит к чрезвычай-

но плачевным, драматическим, а зачастую и к трагическим последствиям. Мы имеем примеры этому не только в отдаленном, но и в ближайшем к сегодняшнему дню времени.

Теперь несколько об ином ракурсе данной проблемы.

Когда мы говорим «молодежная субкультура» *вообще*, что мы имеем в виду? Правильно ли говорить о молодежной субкультуре *вообще* или надо говорить о субкультуре различных групп молодежи?

Это особенно важно уточнять, когда речь идет о феномене молодежного экстремизма, ксенофобии и т. п. У нас есть неблагополучные семьи с детьми, семьи группы социального риска (с родителями пьяницами или алкоголиками), у нас есть дети, которые проживают в семьях с очень низким материальным уровнем, тяжелым материальным положением и т. д. Такие дети образуют особую зону риска подросткового и юношеского экстремизма. А в случае когда они попадают в «заботливые» руки взрослых и многоопытных «воспитателей» – зона риска молодежного экстремизма быстро может превратиться в трагическую реальность.

В России по различным оценкам безнадзорных и беспризорных детей – около миллиона. Естественно, собственно беспризорных существенно меньше, основная масса – это безнадзорные дети, то есть те, которые имеют семью, но большую часть времени проводят на улице, и на образ жизни и развитие которых улица оказывает основополагающее влияние. У нас также более 700 тысяч официально зарегистрированных детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. При этом абсолютное большинство из них, порядка 90 %, – это социальные сироты, то есть сироты при наличии живых родителей, которые лишены родительских прав по причине асоциального поведения, абсолютного пренебрежения к выполнению своих родительских обязанностей, в основе чего в большинстве случаев – пьянство и алкоголизм.

Но ведь все это особые группы детей, подростков, юношей, для которых характерны и *особая субкультура*, и особая чувствительность, и особая готовность к различного рода

асоциальному поведению, в том числе и к социальному экстремизму.

Объективной причиной, провоцирующей (или, может быть, стимулирующей?) молодежный экстремизм и ксенофобию, является гигантское расслоение общества по материальному признаку. По некоторым оценкам, доходы 10 % самых богатых россиян превосходят доход 10 % беднейших соотечественников в 15 раз (хотя ряд экспертов называют еще большее число – до 20), в то время как безопасным, с точки зрения социальной напряженности, считается уровень 5–7 раз. Если с этим моментом мы совместим еще и субъективный фактор, получим совершенно угрожающую ситуацию. В качестве субъективного фактора я имею в виду обостренное чувство социальной справедливости, социальный максимализм и так называемую реакцию группирования, характерные для подростковой и юношеской субкультуры. Положение усугубляется еще и безответственным поведением электронных и печатных СМИ. Одни из них (таких большинство) безоглядно пропагандируют культ богатства и роскоши, задают труднодостижимые стандарты материального благополучия, связывают жизненный успех исключительно с материальным успехом, причем крайне высокого уровня. Другие издания (их пока меньше, чем первых) в драматической форме акцентируют внимание на различиях между богатыми и бедными, подчеркивая социальную несправедливость такого расслоения, усиленно «педалируют» проблему этнонациональных различий и противоречий, активно развивают тему столкновения интересов и культур мигрантов и коренного населения России. Весь этот негатив легко принимается определенной частью молодежи в силу отмеченной ранее особенности подростковой и юношеской субкультуры, связанной с социальным максимализмом. Но не только *принимается*. Мы должны четко уяснить себе, что весь этот негатив еще и активно *формирует* современную молодежную субкультуру.

По официальным данным, число подростков, поставленных на учет за совершение общественно опасных деяний до достижения 14-летнего возраста, составляет порядка

66 тысяч человек [13]. По сведениям МВД России, в стране насчитывается более 41 тысячи неформальных группировок молодежи. На учете милиции состоят около 120 тысяч подростков, входящих в их состав [10]. По имеющимся данным, 20 % уличных проституток – несовершеннолетние (от 13 до 17, средний возраст – 15.3 лет), причем половую жизнь они начали в среднем в 13 лет [6].

Четко просматривается тенденция увеличения количества правонарушений, совершенных детьми и подростками, проживающими в полных семьях. Так, согласно существующим статистическим данным, из числа осужденных несовершеннолетних доля воспитывающихся вне семьи составила только 5.3 %, в неполной семье воспитывались 38.9, в полной семье – 55.9 % [4]. Потребность в неформальном, нерегламентированном общении с родителями у подростков выявляется не меньше, чем в общении со сверстниками. Однако проведенные исследования показывают, что общением с матерью удовлетворены только 31.1 %, а с отцом – всего 9.1 % подростков [7]. Только за один год примерно 248 тысяч родителей подвергаются мерам административного воздействия за злостное невыполнение своих обязанностей по воспитанию и обучению детей, в суды направляются материалы для возбуждения до 33 тысяч дел о лишении родительских прав [10].

Данные авторитетных исследований показывают: до 14 лет пробуют алкоголь более 30 % подростков, а дети до 7 лет составляют почти 4 % [3]. Возраст приобщения к токсико-наркотическим веществам снизился в среднем до 14.5 лет. Анализ опроса подростков в возрасте 10–17 лет, проведенного в ходе специального исследования, о степени их информированности о наркотиках показал, что основным источником информации во всех возрастных группах учащихся являются средства массовой информации. С возрастом отмечается снижение страха перед наркотиками, увеличивается число подростков, пробовавших наркотические вещества. Все подростки достаточно хорошо осведомлены об основном списке наркотиков: знают 10–12 наименований в 5-м классе, до 15–16 наименований в 8-м классе и до 20–25 наименова-

ний – в 11-м классе. При этом педагоги могут назвать только 3–5 наименований наркотиков [17].

Значительный вклад в формирование агрессивности молодежи и рисков молодежного экстремизма, как уже говорилось выше, вносят современные СМИ. Каждая третья-четвертая сцена на экране заканчивается убийством, а каждая двенадцатая – жестоким избиением, каждая седьмая – откровенной эротикой или половым актом. По представленности сцен насилия и эротики на экране первое место занимают художественные фильмы – на их долю приходится 57 % таких трансляций. Второе место принадлежит рекламе – 23.3 % трансляций сцен насилия и эротики приходится на ее долю. Третье место занимает хроника – 12.6 % [15]. Однако современная психология исходит из того, что одним из центральных механизмов формирования асоциального и агрессивного поведения является именно механизм наблюдения. В рамках концепции социального научения (А. Бандура и его многочисленные последователи) было убедительно показано как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях анализа, что наблюдение может оказываться даже более «действенным» механизмом научения агрессивности, чем непосредственный опыт личности [1; 2; 12].

Характерная для юношеского и подросткового возраста *реакция группирования* связана с ярко выраженным стремлением к группированию со сверстниками. Группы могут иметь жесткую структуру или быть аморфными. Первое характерно для групп криминальной направленности и для однополых мужских групп; второе более характерно для некриминальных групп и для групп, смешанных по полу. Можно указать, как минимум, на две причины, обуславливающие *трудность выхода* из группы.

Первая причина – при жесткой структуре группы выход должен быть санкционирован, разрешен лидером. Несанкционированный выход наказывается, и нередко весьма жестоко. Вторая причина – более важная и более распространенная, имеет более глубокий *внутриличностный* характер. Исследования показывают, что у абсолютного большин-

ства так называемых «трудных» детей и подростков блокирована одна из фундаментальных потребностей человека – потребность в уважении, принятии и любви. Насколько важна эта потребность, ясно из того, что она входит в «пятерку» базовых потребностей человека наряду с такими, как потребности физиологические (еда, питье, сон и др.) и потребность в безопасности. Школа или семья, в которой блокируется возможность удовлетворения потребности ребенка в принятии и уважении, «выталкивают» его на улицу. Там он ищет и в результате иногда долгих (а иногда и недолгих) поисков находит группу, в которой эта потребность может быть удовлетворена. Именно психологической комфортностью пребывания ребенка, подростка в такой группе объясняется, почему терпят провал многочисленные попытки родителей, школы, милиции силой вырвать ребенка из этой группы. Выход есть. Но связан он не с силовыми действиями, а с психологическими и педагогическими усилиями по формированию и включению подростка в такую неформальную группу *просоциальной* направленности, в которой выше-названная потребность была бы реализована.

Правосознание молодежи в значительной степени связано с такой особенностью ее субкультуры, как восприятие власти вообще, и работников правоохранительных органов в особенности. В этой связи приведем некоторые факты, полученные в результате специальных исследований особенностей отношения подростков к работникам милиции [14; 11]. Итак, обобщенный портрет, образ милиции в представлении молодежи (наиболее часто употребляемые дескрипторы) следующий: жестокий, агрессивный, подозрительный, властный, недоверчивый, озлобленный, бездушный, несправедливый, равнодушный. Нетрудно заметить, что социальный образ работника милиции исключительно негативен.

Положение не меняется, даже если принять, что подозрительность и недоверчивость просто являются отражением особенностей профессиональной деятельности милиционера и входят в разряд качеств, необходимых для ее успешного осуществления. Негативная роль такого социального стереотипа в первую очередь может сказываться на эффективности правового воспитания, а в более общем плане – на успешности правовой социализации личности, формировании правосознания и правопослушности личности. Если в описании представителя и защитника закона нигде не встречаются характеристики, связанные с позитивным понятием «справедливость», но при этом в первую десятку важнейших качеств попадают такие как «несправедливость», «агрессивность», «жестокость», «равнодушие», появляется вопрос – а справедлив ли сам закон (по крайней мере в субъективном восприятии закона личностью), или же он «что дышло, как повернешь – так вышло». Можно полагать, что выявленный и описанный здесь негативный социальный стереотип работника правоохранительных органов, с одной стороны, является следствием, но с другой стороны, также и причиной *правового нигилизма* россиян. Феномен правового нигилизма в последнее время все более часто начинает рассматриваться многими вообще как особенность российского менталитета, имеющего давние исторические корни. Как видно, эти корни действительно прочны, они, кроме того, предстают не только как исторические, но и как психологические, и имеют свои основания уже в психологии детства. Совершенно понятно, что на базе такого представления о работнике милиции реальное позитивное общение подростка с конкретным работником, например отдела по профилактике преступности несовершеннолетних, будет чрезвычайно затруднено.

Литература

1. Бандура А. Теория социального научения. СПб., 2000.
2. Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессия. М., 2000.
3. Гурвич И.Н. Уровни и модели употребления алкоголя подростками // Мир детства. 2002. № 2.
4. Забрянский Г.И. Наказание несовершеннолетних и его региональные особенности (статистико-криминологическое исследование). М., 2000.
5. Кон И.С. Психология ранней юности. М., 1989.
6. Мир детства. 2002. № 1.
7. Мир детства. 2002. № 2.
8. Мир детства. 2002. № 3.
9. О положении детей в России. Государственный доклад, 2000. М., 2002.
10. О положении детей в России. Государственный доклад, 2001. М., 2001.
11. Психология подростка. Полное руководство / Под ред. А. А. Реана. СПб.; М., 2003, 2008.
12. Реан А.А. Подростковая агрессия // Психология человека от рождения до смерти. СПб; М., 2001, 2007, 2010.
13. Реан А.А., Дандарова Ж.К., Прокофьева В.А. Социальное сиротство в современной России. Аналитический доклад. М., 2002.
14. Реан А.А., Коломинский Я.Л. Социальная педагогическая психология. СПб., 1999, 2008.
15. Собкин В.С., Кузнецова Н.И. Российский подросток 90-х: движение в зону риска. М., 1998.
16. Уличные дети и мобильная работа с молодежью. Штутгарт; СПб., 1998.
17. Шипицына Л.М. Диагностика наркоманий у подростков групп риска // Социальная работа с детьми и подростками группы риска / Под ред. А. А. Реана. СПб., 2000.

Teen subculture is a zone of potential risks

A. A. Rean,

Doctor of Psychology, Professor, Chair of Legal Psychology, Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs, Corresponding Member, Russian Academy of Education, Scientific Supervisor and Executive Director, Federal Project "Healthy family", Honoured Science Worker of Russian Federation

The article is based on the report "Teenage subculture is a zone of potential risks of extremism and xenophobia" presented at the plenary meeting of the Third All-Russian Scientific and Practical Conference on Developmental Psychology "On the threshold of adulthood". The phenomenon of teenage subculture is considered in terms of social extremism and xenophobia. We argue that in this context, it is advisable not to talk about teenage subculture in general, but to differentiate subcultures of separate teen groups that differ greatly. We discuss the phenomenon of child abandonment in modern Russia and social orphans as a special group of social risk with a particular subculture. The role of media in shaping teenage subculture is analyzed, as well as its influence on the development of adolescent aggression and teenage extremism risk.

Keywords: adolescent subculture, extremism, aggression, legal awareness, antisocial and criminal adolescents, grouping, social abandonment, child neglect, homelessness.

References

1. *Bandura A.* Teorija social'nogo nauchenija. SPb., 2000.
2. *Bandura A., Uolters R.* Podrostkovaja agressija. M., 2000.
3. *Gurvich I.N.* Urovni i modeli upotreblenija alkogolja podrostkami // *Mir detstva.* 2002. № 2.
4. *Zabrjanskij G.I.* Nakazanie nesovershennoletnih i ego regional'nye osobennosti (statistiko-kriminologicheskoe issledovanie). M., 2000.
5. *Kon I.S.* Psihologija rannej junosti. M., 1989.
6. *Mir detstva.* 2002. № 1.
7. *Mir detstva.* 2002. № 2.
8. *Mir detstva.* 2002. № 3.
9. O polozhenii detej v Rossii. Gosudarstvennyj doklad, 2000. M., 2002.
10. O polozhenii detej v Rossii. Gosudarstvennyj doklad, 2001. M., 2001.
11. Psihologija podroстка. Polnoe rukovodstvo / Pod red. A. A. Reana. SPb.; M., 2003, 2008.
12. *Rean A.A.* Podrostkovaja agressija // Psihologija cheloveka ot rozhdenija do smerti. SPb; M., 2001, 2007, 2010.
13. *Rean A.A., Dandarova Zh.K., Prokofeva V.A.* Social'noe sirotstvo v sovremennoj Rossii. Analiticheskij doklad. M., 2002.
14. *Rean A.A., Kolominskij Ja.L.* Social'naja pedagogicheskaja psihologija. SPb., 1999, 2008.
15. *Sobkin V.S., Kuznecova N.I.* Rossijskij podrostok 90-h: dvizhenie v zonu riska. M., 1998.
16. Ulichnye deti i mobil'naja rabota s molodezh'ju. Shtutgart; SPb., 1998.
17. *Shipicyna L.M.* Diagnostika narkomanij u podrostkov grupp riska // Social'naja rabota s det'mi i podrostkami gruppy riska / Pod red. A. A. Reana. SPb., 2000.